

С. Бавин

Андрей Белый
Борис Николаевич Бугаев
14 (26).X.1880—8.1.1934

Знакомство современного читателя с творчеством Андрея Белого началось во второй половине 1960-х с выходом тома стихотворений и поэм в «Библиотеке поэта». И долгое время его обширное литературное наследие было представлено лишь этой — относительно небольшой и, можно сказать, не самой главной частью. К столетию писателя произошел первый прорыв в прозу Белого: были опубликованы две редакции одного из крупнейших романов XX века и вершины его творчества — «Петербург». Понадобилось еще почти десять лет, чтобы стало возможным говорить хотя бы об относительно полном возвращении Андрея Белого к читателю на родине: в 1990 переиздана его мемуарная трилогия «На рубеже двух столетий», «Начало века» и «Между двух революций», его оригинальные, не имеющие аналогов в мировой литературе «Симфонии», другие романы; начали публиковаться и исследования, «обнаружившие», что мировая славистика придает огромное значение творчеству одного из крупнейших мастеров русского символизма.

И тем не менее приходится с большой осторожностью говорить об изученности, известности судьбы Андрея Белого. Известна биографическая канва жизни Бориса Николаевича Бугаева, известны — в той или иной степени — его взаимоотношения с коллегами-литераторами и друзьями. Но Андрей Белый в то же время сам может быть увиден как явление искусства, как часть того художественно-философского мира, который им же и создан в традициях «жизнетворчества», декларированного и апробированного Белым и его единомышленниками в начале века. Жизнетворческое преобразование действительности наложило свой отпечаток не только на межличностные отношения, но и на отношение Белого к своему творчеству, выразившееся и в неразличимости для автора, например, собственно художественного и мемуарного слова (в воспоминаниях нередки цитаты из романов, «подтверждающие» ту или иную мысль), и в коренной переделке произведений с категорическим отрицанием первоначальных текстов (особенно ярко это проявилось в отношении к стихам и роману «Петербург»).

Может быть, самое любопытное в судьбе Андрея Белого — это его невероятно пристальное внимание к духовной жизни собственного «я», внимание, характер которого проистекает от двух — соединенных писателем в юности — источников: естественно-научного анализа и философского обобщения «фактов».

«Я — говорил себе:

— “Действительность, где ты был, — и не мир”.

Мне был мир — ощущением... даже не органов тела, а — бьющих, рвущих и странно секущих биений, в меня впаянных, меня тянущих за собой, развивающих во все стороны от меня крылорукие молнии пульсов: образом и подобием моего состояния может служить разве лишь изображение чудища, тысячерукого существа (сиамские статуэтки — вы помните?)

Таковы мои первые ощущения <...>.

Мои детские, первые трепеты: трепеты ощущаемых мыслечувствий и сознания; трепеты образования текучих миров, пламенных объятий вселенной <...>. Про меня говорили:

— “Какой нервный мальчик...”».

Эта цитата из автобиографического романа «Котик Летаев» — не просто (или не только) художественный образ; параллели ему в достаточном количестве легко обнаружить и в мемуарах.

Борис Николаевич Бугаев родился в Москве, на Арбате, в семье профессора-математика Московского университета. Николай Васильевич, его отец, был личностью яркой, талантливой, привлекавшей к себе внимание не только коллег, но и философов, литераторов. Одним словом, довольно широкий круг московской либеральной интеллигенции был одновременно и «домашней обстановкой», в которой рос будущий Андрей Белый.

Мать, Александра Дмитриевна, была человеком не менее ярким, но совсем другого склада; одна из первых красавиц Москвы, музыкантша, светская дама, она панически боялась появления в семье «второго математика» и вообще того, чтобы сын пошел по стопам отца. В своих пристрастиях она доходила до крайностей, наряжая «Бореньку» в девичьи платья, скрывая его высокий лоб кудрями, запрещая изучать азбуку и арифметику...

«Отец влиял на жизнь мысли во мне; мать — на волю, оказывая давление; а чувствами я разрывался меж ними.

Трудно найти двух людей, столь противоположных, как родители; физически крепкий, головою ясный отец и мать, страдающая истерией и болезнью чувствительных нервов <...>; доверчивый, как младенец, почтенный муж; и преисполненная мстительности, почти еще девочка; рационалист и нечто вовсе иррациональное <...>; безвольный в быту муж науки, бегущий из дома: в университет, в клуб; — и переполняющая весь дом собою, смехом, плачем, музыкой, шалостями и капризами мать <...>. Я нес наимучительный крест ужаса этих жизней, потому что ощущал: я — ужас этих жизней <...>. Я был цепями, сковавшими их; и я это знал всем существом: четырех лет; и нес “вину”, в которой был неповинен. Оба нежно любили меня...»

В 1930-е, размышляя о своем становлении, Андрей Белый в мемуарах заметил, что интересно было бы проследить «генезис символизма из известного слоя московской интеллигенции» и роль «московского университета в формировании кадров московских символистов». У него были все основания для подобного утверждения: ведь и Арбат рубежа веков, его родина, был «заселен профессурой», и дачное Подмоскowie тех же лет отличалось удивительной концентрацией интеллектуальных «отцов» и талантливых их «детей», многие из которых внесли свой заметный вклад в расцвет Серебряного века российского искусства.

«Демьяново (под Клином) — родное место: здесь вырос я <...>, от Демьянова до Шахматова по шоссе верст семнадцать; мы с Блоком проводили детство почти рядом <...>; около Демьянова, в семи верстах, село Фроловское, где жила Чайковский <...>. Район Николаевской железной дороги, — сколько из детей “рубежа”, позднее встретившихся, проводили детство рядом: под Крюковым рос мой друг С.М. Соловьев; около Поворовки жила другой друг, А.С. Петровский; около Подсол-нечной — Блок; около Клина — я. Кто мог сказать, что в один из периодов пути этих людей остро скрестятся...»

Огромную роль в художественном становлении юноши сыграла семья Соловьевых, арбатских соседей Бугаевых с конца 1892: Михаил Сергеевич, педагог, переводчик Платона, сын историка С. Соловьева и брат философа В. Соловьева; его жена Ольга Михайловна — художник и переводчик, и их сын, будущий поэт-символист Сережа. «Семья Соловьевых втянула в себя силы моей души; установились с каждым свои отношения; по-разному тянулись: чувства — к Сереже; ум — к тонкой, интеллектуальной О.М.; воля же формировалась под ясными и проникающими радиолучами моральной фантазии Михаила Сергеевича; в последующем семилетии он, пожалуй, более чем кто-либо, переформировал меня...» (Боря Бугаев познакомился с Соловьевыми в конце 1895).

«Художественную пищу» в эти годы он получал, по его словам, «из рук» Ольги Михайловны. Любопытно перечитать «меню» этого «стола»:

«...Прерафаэлиты, Боттичелли, импрессионисты, Левитан, Куинджи, Нестеров (потом — Врубель, Яунчикова и будущие деятели “Мира Искусства”) <...>. Она заинтересовала меня вскоре Бодлэром, Верлэном, Метерлинком, Уайльдом, Ницше, Рэскиным, Пеладаном, Гюисмансом; то, о чем я издали слышал, приблизилось, стало ежедневным общением <...>. Мы с ней остро царапались из-за Ибсена, Достоевского, которых я боготворил, а она ненавидела <...>. Посещения Соловьевых <...> стали мне школой; к урокам Поливанова [директор гимназии, в которой учился Б. Бугаев], к собственному философскому

чтению, к практическим упражнениям присоединилось принятие в члены чайного стола Соловьевых, или моей Флорентийской академии».

Позже Белый заметит, что из таких «чайных столов», где происходили и литературные знакомства, в начале века формировались движения, издательства, журналы, или, как сказано в поэме «Первое свидание» о том же доме —

Здесь возникал салон московский,
Где — из далекой мне земли,—
Ключевский, Брюсов, Мережковский
Впервые предо мной прошли.

В доме Соловьевых поддержали и приветствовали первые литературные опыты Бори Бугаева. С 1895 он начал писать стихи, лирическую прозу, фантастические и сказочные произведения, драму (в большинстве своем эти тексты не сохранились). Литературные и философские штудии шли своим чередом, однако по завершении гимназического курса Бугаев подал прошение о зачислении студентом естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. Занятия физикой, химией, географией сочетаются с интересом к философии и эстетике.

Эпохальным для начинающего символиста стал 1901 год: начало нового века переживалось им с исключительным напряжением под сильным влиянием философии и поэзии Владимира Соловьева. В «Материалах к биографии» он записывает:

«Главенствующие осознания этого года: 1) Откровение Софии, 2) Духа Иоанновой, *белой зари*, 3) осознание, что „уже — *заря*», 4) ожидание Денницы; кроме того: завязываются в этот год встречи с рядом людей, глубоко влиявших на меня около десятилетия и более <...>. В этом же году складываются основные ноты моего творчества; и самое крещение меня моим псевдонимом „*Андрей Белый*” происходит в этом году <...>. 1901 год отрезывает меня от моего теневого отрочества и юности; и предо мною открывается перспектива шумных лет; в этот же год я осознаю впервые отчетливо, что мой путь — не путь науки и что естественный факультет — лишь случайная веха моего развития».

В 1900–1901 он пишет первые части «Симфоний» — оригинальных прозаических произведений, наполненных мистицизмом в духе символизма, осмысляемого как образ жизни, а не просто литературное направление. «Симфонии» несут на себе явный отпечаток пристального изучения Белым философского труда А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» — и в части признания за музыкой приоритетного значения среди искусств, единственно способной выразить мистическую Волю — сущность мироздания, и в части пессимистического отношения к ценности земной жизни. Другое не менее яркое воздействие на художественный мир «Симфоний» оказал Ф. Ницше — той стороной своего творчества, где утверждается мысль о неизбежном воскрешении, повторении индивидуума («вторично родиться звал нас Ницше!»).

Вторая, «Драматическая симфония» стала литературным дебютом студента-естественника. Ее поддержал и помог опубликовать (за свой счет) в издательстве «Скорпион» М. Соловьев; он же высмеял придуманный автором псевдоним «Борис Буревой» («будут каламбурить — „Бори вой”») и предложил свой — «Андрей Белый».

«Симфония» знакомила российских читателей с современными мистиками; знакомила двойственно: представительно и иронически. Ломались все литературные каноны. Истоки формы можно найти в «Апокалипсисе» и «Так говорил Заратустра»; истоки идеи — в творчестве Владимира Соловьева, Шопенгауэра и Ницше; истоки иронии — личный, можно сказать, вклад автора.

- «1. На крашеной лавочке сидел золотобородый аскет и делал выводы из накопившихся материалов.
2. А учитель брезгливо думал: „Вот сидит *гнилой* мистик!»
3. Весь он пропитан *лампадным* маслом, и *квасной* патриотизм его мне претит”.
4. Им навстречу поднялся мистик, который не был гнил и совсем не пил квасу.
5. Он был химик по профессии, и перед ним молодой учитель неоднократно срамлился незнанием точных наук».

Критика обрушилась негодующими статьями. «Мистики» посмеивались и формировали свой круг, впоследствии поименованный «аргонавтами». В него входили университетские друзья Белого — А. Петровский, В. Владимиров, А. Печковский, Эллис (Л. Кобылинский), А. Челищев, С. Иванов, Д. Янчин и др.; в этом же кругу был и юный «поэт, философ, богослов», гимназист шестого класса Сергей Соловьев. «Именно эти имена звучат мне, — писал Белый, — когда я вспоминаю путешествие в страну символизма, совершенное в юности на “Арго”, который бил где-то золотыми крылами; и этот бой отразился мне боем сердца; с 1901 года я уже имею встречи: с Брюсовым, Бальмонтом, Максимилианом Волошиным; не они сделали символистом меня».

Пожаром склон неба объят...
И вот аргонавты нам в рог отлетаний
трубят...
Внимайте, внимайте...
Довольно страданий!
Броню надевайте
из солнечной ткани!

Зовет за собою
старик аргонавт,
взывает
трубой
золотою:
«За солнцем, за солнцем, свободу любя,
умчимся в эфир
голубой!..»

Старик аргонавт призывает на солнечный
пир,
трубя
в золотеющий мир.

Это был «кружок чудаков, — пишет Белый, — кружок в очень условном смысле, выросший совершенно естественно <...>. “Аргонавты” не имели никакой организации; в „аргонавтах” ходил тот, кто становился нам близок, часто и не подозревая, что он „аргонавт” <...>. Многие бы затруднились определить, в чем именно заключается пресловутый „аргонавтизм”; провозглашал обыкновенно Эллис, придя в восторг от того или этого: „он — аргонавт” <...>, повинувшись минуте и прихоти; Блок почувствовал себя „аргонавтом” во время краткой жизни в Москве, и скоро забыл о нас. Но прозвище „аргонавт” существовало, как помнится, до 1910 года...»

Белый все-таки определяет своего рода генеральную линию этого кружка, весьма разнообразного по составу в разные годы.

«Конечно, большинству из нас говорил символизм; но была иная тональность подхода к произведениям, связанным с символизмом, резко нас отделявшая от „старших”, от литераторов и поэтов, группировавшихся вокруг Брюсова <...>. Там провозглашали символизм как литературную школу, главным образом связанную с традициями французских поэтов <...>. Проблемы школы не интересовали нас; <...> нас интересовала проблема новой культуры и нового быта, в котором искусство — наиболее мощный рычаг, но которого формулы отчеканятся в будущем <...>, соединялись в исканиях, а не в достижениях...»

«Аргонавты» отстаивали свое понимание символизма, которое предполагало житнетворческую («символотворческую») мифизацию бытия, человеческих отношений, художественного творчества. Для Белого это выразилось, в частности, в публикации ряда программных статей 1902–1904. («Формы искусства», «О теургии», «Символизм как миропонимание»), в переживании «мистической любви» к М. Морозовой (Белый, вдохновясь ее образом, писал ей исповедальные письма, укрывшись под псевдонимом).

Знаменательными и драматическими событиями в жизни Белого насыщен 1903 год. В начале его завязывается переписка с Александром Блоком, со стихами которого Белый, благодаря Сереже Соловьеву (троюродному брату Блока), был знаком уже два года и очень высоко их ценил; в январе же умирает М. Соловьев и кончает с собой его жена; в марте состоялся поэтический дебют — Валерий Брюсов опубликовал в 3-м альманахе

«Северные цветы» цикл стихов Белого «Призывы» и предложил подготовить книгу. В мае Андрей Белый заканчивает университет и переживает еще одну смерть — отца. Летом написан «почти весь том „Золото в лазури“»; осенью окончательно оформляется кружок «аргонавтов», выходит «Северная симфония (1-я, Героическая)». Мемуары этого периода фиксируют интенсивные журнально-издательские контакты. Помимо Д. Мережковского и З. Гиппиус, это В. Брюсов, С. Соколов, М. Волошин («округлитель острых углов»), К. Бальмонт и многие другие. Возникает еще одна «мистериальная любовь» — к Нине Петровской, превратившаяся позднее в тривиальный любовный «треугольник» («третьим» был В. Брюсов, отразивший эту историю в романе «Огненный ангел»).

«Золото в лазури» справедливо называют книгой, подводящей итог раннему творчеству Белого. Она состоит из нескольких разделов, включая и лирическую прозу (где нельзя не выделить фантастическую зарисовку «Аргонавты»). Ритм книги в известной степени повторяет ритм жизни ее автора первых лет начала века: от восторженного воспевания «золота в лазури» к признанию того, что рано «к спящим воззвал», и констатации «тоски» и «одиначества» к концу сборника. Одним из показательных в этом смысле является цикл «Вечный зов», посвященный Д. Мережковскому, и особенно его второе стихотворение («Проповедуя скорый конец...»), где лирический герой последовательно преобразуется из «нового Христа» — в «лжехриста», а затем — в «арлекина» и сумасшедшего.

Стихотворения циклов, написанные в 1901–1904, отразили многие увлечения Белого в философии и искусстве. Явственно звучат в них мотивы А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и Вл. Соловьева, живописцев А. Бёклина, Ф. фон Штука, К. Сомова, В. Борисова-Мусатова; книга открывается циклом, посвященным К. Бальмонту, поэзией которого Белый был захвачен с конца 1890-х.

В 1904 происходит личное знакомство Белого с Александром Блоком и Любовью Дмитриевной Блок. Это оказалось событием принципиальной важности, повлекшим за собой целую гамму переживаний на протяжении многих лет. Происходят существенные перемены и в философии, мирозерцании Белого.

Из творческой и идейной «паузы» ему помогает выбраться давний друг Э. Метнер, живший в Нижнем Новгороде. «Слова Метнера я принимал точно хлеб после приторных кушаний с... дымом табачным; почувствовал, что я и молод, и жизнь впереди еще, и много радостей будет — с условием, чтобы “Орфея” в себе я покончил...»

Новый творческий импульс дает и знакомство с Вяч. Ивановым. Летом Белый внезапно решает поступить на историко-филологический факультет. Хроника жизни и мемуары поэта постоянно пестрят десятками имен людей, с которыми он интенсивно общается; складывается впечатление, что в одиночестве он просто не в состоянии существовать — мыслить, творить Белый предпочитает в атмосфере споров, бурной общественно-литературной жизни (о начале 1910-х Белый напишет: «Я переживаю кризис коллектива, без которого литературная борьба за “credo” — лишь сон»).

В 1905 он приезжает в Петербург, и обширный круг петербургских литераторов оказывается включенным в «сферу интересов» Белого. В это время он пишет статьи, испытывает увлечение философией И. Канта и неокантианцев, определяет для себя выход из идейного кризиса на пути обращения к поэтизации образа России (статья «Луг зеленый», стихи, вошедшие позже в сборник «Пепел»).

«Первая четырехлетка моей литературной новой жизни — взлет; и быстро за ним склон, скат; и — подмена деяния творческого разгляденьем критическим; я переживаю угасание веры в “героя”-новатора <...>. Но было нужно получить опыт того, как и с прекрасным намереньем садятся в лужу...»

Развитие отношений с Блоком и его женой — «Прекрасной Дамой» привело к тому, что очередное «мистериальное увлечение» обернулось любовной драмой, в результате которой сначала Белый вызывает Блока на дуэль (август 1906), а затем, на новом витке, — аналогичный вызов отправляет ему Блок (август 1907); в обоих случаях поединки

не состоялись. Белый публикует прозрачно-аллегорический рассказ «Куст», в котором Л. Блок увидела отражение их истории и объявила о категорическом прекращении всех взаимоотношений.

Творчество этого периода (поэма «Панихида», четвертая симфония «Кубок метелей») отмечено доминантой трагических интонаций и темой «разуверения во всем».

С осени 1906, подав прошение об исключении из университета, Андрей Белый уезжает за границу (Мюнхен, Париж), интенсивно изучает живопись, общается с Мережковскими; весной следующего года возвращается в Россию.

Последующие несколько лет — период бурных литературных дебатов на тему трактовки символизма и о путях развития нового искусства. Хроника жизни этого периода пестрит словами «конфликт», «ссора», «скандал». Белый постоянно на людях — в редакциях, издательствах, с чтением лекций. Но одновременно складывается новая книга стихов, в которой поэт выступил в неожиданных для символиста «народнических» традициях.

«Пепел» — книга, посвященная Некрасову, развивающая его идеи и отчасти поэтику, а главное — тему России в ее трагической тональности. «Все стихотворения “Пепла” периода 1904–1908 годов, — писал автор, — одна поэма, гласящая о глухих, непробудных пространствах Земли Русской». Сергей Соловьев в рецензии конкретизировал лейтмотив сборника: «Россия с ее разложившимся прошлым и нерожденным будущим, Россия, какой она стала после Японской войны и подавленной революции, — вот широкая тема трепещущей современностью книги Андрея Белого».

Одновременно со стихами «Пепла» пишутся и другие, составившие вышедший почти одновременно сборник «Урна». «Я возлюбил души пустыню», — написал Белый в стихотворении «Просветление», и это, может быть, символизирует итог бурных и мучительных страстей, изживавшихся поэтом в эти годы. Значительное место в сборнике отведено стихам-рефлексиям на разрыв отношений с Л. Блок, стихам, «подводящим итог» увлечению философией И. Канта. Сборник посвящен Валерию Брюсову: поэт, воспевая «жреца», «мага» (стандартизированный имидж Брюсова), словно пробовал примерить на себя аналогичную роль.

При желании можно легко восстановить «биографические реалии», ставшие источником основных тем сборника; Белый, при всей символической образности, никогда не уходит далеко от себя и своих переживаний.

Проследив творческую судьбу Андрея Белого, невозможно не изумиться его фантастической работоспособности. Вот, для примера, совсем не исключительный отрезок его жизни — весна 1909. В это время он пишет первую главу нового романа «Серебряный голубь», проводит, по собственным словам, «бешеную работу» в области стиховедения, изучает книги по оккультизму и астрологии, читает в Киеве лекцию «Современность и Пшибышевский», работает над статьей «Гоголь». В свое время И. Анненский, человек академического склада, в статье «О современном лиризме» заметил эту особенность своего молодого современника: «Натура богато одаренная, Белый просто не знает, какой из своих муз ему лишний раз улыбнуться <...>. И любишь на эту юношескую постройку жизни. И страшно порою становится за Андрея Белого. Господи, когда же этот человек думает? и когда он успевает жечь и разбивать свои создания?»

Если добавить, что этой весной развивается новый роман поэта — с художницей Асей Тургеневой, то «мгновенный портрет» окажется вполне впечатляющ.

Большое значение для творческого самоутверждения Белого — теоретика литературы и литературного критика — имела организация им в 1909 совместно с Э. Метнером и Эллисом издательства «Мусагет», где в течение двух последующих лет вышли подытоживающие его деятельность 1900-х книги статей «Символизм» (1910) и «Арабески» (1911); сюда же следует присовокупить и книгу «Луг зеленый» (1910), опубликованную в другом московском издательстве — «Альциона».

Первая половина 1910-х — наиболее, может быть, значительный период жизни и творчества Андрея Белого. Знакомство с Асей Тургеневой переросло в глубокую и взаимную любовь; конец 1910 и первую половину 1911 они проводят в увлекательном путешествии по Сицилии, Тунису, Египту, Палестине. «Письменный итог» путешествия выразился в двух томах «Путевых заметок». Первый — под названием «Офейра» увидел свет в 1921, и через год — вторым изданием под названием «Путевые заметки. Сицилия. Тунис»; из второго в разные годы печатались лишь фрагменты (в современных изданиях — 5-й выпуск «Встречи с прошлым», 1984). Осенью того же года начинается работа над произведением, ставшим главным в творческом наследии Белого, — романом «Петербург». История его пути к читателю тоже не проста: первоначально заказавший роман редактор журнала «Русская мысль» П. Струве после знакомства с первыми главами отказался его печатать; он был опубликован при посредничестве А. Блока и Р. Иванова-Разумника в трех выпусках альманаха «Сирин» (1913–1914), издаваемого меценатом М. Терещенко.

Большая часть работы над «Петербургом» прошла за границей. Весной 1912 А. Белый и А. Тургенева уезжают через Берлин в Брюссель. Во время этой поездки произошла крупнейшая в философских исканиях Белого встреча — с немецким религиозным философом Рудольфом Штейнером, создателем антропософского учения. В антропософии Белый увидел «системное воплощение своих духовных идеалов, достижение искомой гармонии между мистическим и научным познанием»; он глубоко проникается этим учением, следует за Штейнером по городам и странам, слушая его лекции, участвует под руководством учителя в строительстве в Дорнахе (Швейцария) Гетеанума — «храма-театра», антропософского центра. Столь же ревностным адептом философии человекобожия стала и Ася Тургенева.

Первые два года начавшейся мировой войны Белый проводит в Дорнахе. Новое философское увлечение пробуждает в нем углубленное внимание к автобиографической теме в художественном творчестве (роман «Котик Летаев», в 1920-е тема продолжена романом «Крещеный китаец»). Все эти годы пишет он и новые стихи, составившие впоследствии сборники «Королева и рыцари» и «Звезда». Стихи первого из них, пишет исследователь поэзии Белого Т. Хмельницкая, «вернули <...> лирически непосредственный, сказочный и картинный мир „Северной симфонии“». В нем произошло воскрешение сказок и старинных легенд; естественно, что подобный “лирический просвет” во многом связан с любовью к А. Тургеновой — “королевне” этих стихов. По-своему интересен и сборник “Звезда”, о содержании которого Белый писал в 1923:

“...Стихотворения <...> обнимают период 1914–1918. Этот период окрашен для автора встречей с духовной наукой, осветившей ему его былые идейные странствия; оттого-то здесь — синтез поэтической идеологии автора; темы “Золота в лазури” встречаются здесь с темами “Урны”, пресуществляемой по-новому антропософией; и снова проходит тема России (тема “Пепла”), но не глухой России, а России мучительно ищущей своего духовного самоопределения. Автор считает, что <...> “Звезда” — “звезда” самосознания».

Середина 1910-х — напряженная интеллектуальная философская деятельность А. Белого. Он пишет статьи, читает лекции, осмысляя взгляды Штейнера, Гете, Канта; события первой мировой войны подталкивают его к написанию цикла статей о кризисе западной цивилизации.

В конце лета 1916 Белый получает уведомление о призыве на военную службу и из Швейцарии через Францию, Англию, Норвегию возвращается домой. Но до армии дело не дошло: две отсрочки, а потом Февральская революция не дали поэту возможности выступить в качестве воина.

«Какой я воин, — писал Белый А. Тургеновой в ноябре 1917. — Я войну ненавижу: от нее пошла всякая мерзость; я, действительно, все более и более себя ощущаю толстовцем в вопросе о войне и отношусь с ужасом ко всякой партийной распре».

Происходящие в 1917 события внешне (если судить по биографической хронике) никак не отразились на образе жизни Белого. В конце октября он стал собирать материал

для статьи о Вяч. Иванове, в ноябре – декабре — начал писать ее... Но, конечно, не таким уж небожителем был Белый. Его реакция на большевистскую революцию была вполне отчетливой и в духе либеральной интеллигенции: он, так же как Блок, постарался увидеть в ней «святое безумие», мятежную очистительную силу, реализацию мистического предназначения России. В августе 1917 он написал широко известное стихотворение «Родине» («Рыдай, буревая стихия...») с хрестоматийными строками:

Сухие пустыни позора,
Моря неизливаемые слез —
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе — и кольца Сатурна,
И млечных путей серебро,—
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

Таким же мистическим экстазом пронизана и его «революционная» поэма «Христос воскрес», дающая возможность еще раз убедиться, насколько нерассуждающе слеп был восторг попавшего под омрачающую сознание идею мессианства Белого (да и не только его), внезапно растерявшего всю свою художественность и поэтичность и воспевавшего паровозы, которые хором поют о братстве народов и кричат «да здравствует третий интернационал!», втиснувшего образ распинаемого Христа рядом с «домовым комитетом» и прочими реалиями быта. Даже в 1966, в предисловии к изданию стихов Белого в «Библиотеке поэта», Т. Хмельницкая вынуждена была признать: «поэма знаменательна больше как свидетельство приятия Белым революции, чем как художественное произведение».

В это же время пишутся последние стихи, включенные в сборник «Звезда», — стихи, воспевающие антропософию, увлечение которой, приостывшее в последний период жизни в Дорнахе, с новой силой вспыхнуло зимой 1917–1918. Тогда же состоялось знаменательное знакомство еще с одной женщиной — антропософкой К. Васильевой, сыгравшей значительную роль в последнем периоде жизни Белого.

Сборник «Звезда», суть которого так четко изложил Белый, характерен двумя устойчивыми «биографическими» мотивами. Один — это стихи элегического содержания, обращение к Асе, уведомившей мужа о своем желании расстаться с ним.

Ты вся как ландыш, легкий, чистый,
Улыбки милой луч разлит.
Смех бархатистый, смех лучистый
И — воздух розовый ланит.

Другой мотив — антропософские стихи. Читатель до сих пор лишен возможности познакомиться с ними по современным изданиям. Они, правда, не отличаются особым изяществом формы или идеи; это скорее эмоциональные воспоминания, но они любопытны с точки зрения образности и специфической символики этого учения.

Новая действительность все-таки дает о себе знать. Наряду с лекциями в антропософическом обществе и заседаниями Вольной философской ассоциации («Вольфилы») в 1918–1921 Андрей Белый служит в государственном архивном фонде, в московском Пролеткульте, в отделе охраны памятников старины заведует научно-теоретической секцией Театрального отдела Наркомпроса и т. п.; творчество продолжается преимущественно в области философии и истории литературы.

В художественном плане период после 1920 отмечен максимальной склонностью к черпанию сюжетов из собственной биографии. Это относится и к роману из задуманной

эпопеи «Я» — «Преступление Николая Летаева» (в публикации получившему название «Крещеный китаец»), и к поэме «Первое свидание» с центральным мотивом — воспоминанием о годах юности конца века, о доме М.С. и О.М. Соловьевых, «профессорском» Арбате, культурной жизни того времени.

В бытовом плане жизнь Белого в первые годы в Советской России была довольно тяжелой; есть много свидетельств людей, общавшихся с ним в этот период; есть и авторские записки в «Дневнике писателя».

«Белый долго и страшно рассказывал о злоключениях последних лет, — пишет, например, критик и литературовед П. Медведев о своей встрече с ним летом 1921 в Петрограде, — как водили его за нос с отъездом за границу в Москве, как водят месяцами здесь, об издевательствах с пайком, обедом, бельем, о своей нелепой библиотечной работе в Комиссариате Иностранных дел, о том, как ему не дают покоя, необходимого для работы, о предложении работать в заграничной прессе, о съезде народов Востока — смешно, — о своем одиночестве».

Последнее замечание об одиночестве, «изумившем» мемуариста, столь же неожиданно в контексте бурной общественной деятельности Белого этих лет, сколь и закономерно: почти все его близкие знакомые в это время — в Берлине; тяжело болен и в августе 1921 умирает Александр Блок...

Тема «Белый и Блок» слишком обширна, чтобы пытаться отразить ее в этом беглом очерке. Опубликованные разнообразные материалы (переписка, статьи и воспоминания Белого), а также «корректирующие» их воспоминания и письма третьих лиц, историко-литературные исследования наглядно показывают, сколь неоднозначен и негладок был путь многолетней «дружбы-вражды» двух поэтов.

Осенью 1921 Белому удалось наконец получить разрешение на выезд из России. Все пишущие об этом периоде склонны утверждать, что Белый рвался в Берлин, чтобы «вернуть» Асю и восстановить контакты с Р. Штейнером. Н. Берберова в мемуарах «Курсив мой» так сформулировала сложившуюся ситуацию:

«Вернувшись на Запад в 1921, после голодных лет военного коммунизма, он встал перед трагическим фактом: Штейнер отверг его, и Белый, потрясенный раскрывшимся перед ним одиночеством, возвращенный в свою исконную беззащитность, не мог ни преодолеть их, ни вырасти из них, ни примириться с ними. Причины, по которым Штейнер отверг его, ясны тем, кто близко знал Белого в эти годы в Германии. Одновременно Белый, после пяти лет жизни в России, не вернул и ту, которая — он думал — автоматически вернется и которая, после его неудачной любви к Л. Блок, казалась ему якорем спасения, — но которая никогда не собиралась им быть. Его пьянство, его многоречивость, его жалобы, его бессмысленное и безысходное мучение делало его временами невменяемым <...>. Белый не видел себя <...>, не умея разрешить <...> всей трагической ситуации своей, требуя от окружающего и от судьбы для себя “сладкого кусочка” <...>. Но люди кругом становились все безжалостнее, и это было законом времени, а вовсе не людей, веком, а не днем...»

Вновь мелькает слово «одиночество» — и это несмотря на опять внешне бурное — и успешное — погружение в литературную жизнь русской эмиграции. По приезде он получает должность редактора нового альманаха «Эпопея», где постепенно печатаются, в частности, его воспоминания о Блоке; в течение 1922 в берлинских издательствах выходит десять книг Белого — новые («Глоссалолия. Поэма о звуке», «Записки чудака», «После разлуки. Берлинский песенник» и др.) и переиздания («Серебряный голубь», «Петербург», «Первое свидание» и др.). В 1923 совместно с Горьким и Ходасевичем издает журнал «Беседа». Встреча с Цветаевой, так ярко запечатленная ею в воспоминаниях «Пленный дух», косвенно или прямо способствует обращению Белого к стихам, составившим книгу «После разлуки. Берлинский песенник», — лирико-драматическим переживаниям в связи с окончательным разрывом с А. Тургеневой. В ней, в частности, ярко проявились новаторские искания Белого — теоретика стиха, особенно в области ритма и строфики. Одним из лучших следует назвать стихотворение «Маленький балаган на маленькой планете Земля», снабженное «эпиграфом»: «выкрикивается в форточку».

В Берлине Белый занялся кардинальной переработкой своих стихов — делом, начало которому было положено еще в 1916 и которое особенно отразилось на ранних произведениях. Это была какая-то маниакальная страсть; В. Пяст в своих воспоминаниях полшутя-полусерьезно отметил: «...Мы собирались учредить Общество Защиты Творений Андрея Белого от жестокого его с ними обращения».

Берлин 1923 завершился «всеобщим разездом»; осенью уехал и Андрей Белый — в Советскую Россию. На это событие оказали влияние многие факторы — и его одиночество, и ожесточившаяся жизнь в эмиграции, пережившей пору своего расцвета, и, несомненно, общение Белого с московской знакомой, антропософкой К. Васильевой, которая, если судить по мемуарам Н. Гаген-Торн, приехала в Германию «по поручению московских друзей и с разрешения Вячеслава Рудольфовича Менжинского <...> уговорить Бориса Николаевича вернуться...»

Наверное, он двинулся туда, где его ждали, где он надеялся обрести тепло и участие. Ведь в Германии, как вспоминала Цветаева, «ничего одиноче его вечной обступленности, обсмотренности, обслушанности я не знала. На него смотрели, верней: *его смотрели, как спектакль*, сразу после занавеса бросая его одного как огромный императорский театр, где остаются одни мыши».

Сам он уехал, один, или его «увезла» Клавдия Васильева — об этом мнения мемуаристов расходятся. Как бы то ни было, в конце октября Андрей Белый появляется в Москве. Его по-прежнему переполняют творческие планы. Он задумывает новые романы, которые должны составить грандиозную эпопею; активно стремится включиться в советскую культуру — выступает с воспоминаниями о берлинской эмиграции, читает лекции о Блоке, Пушкине, становится членом творческих союзов.

Почти сразу по приезде Белый получает два крупных предложения о работе: создать драму по мотивам романа «Петербург» и договор на новый роман. Премьера пьесы состоялась 14 ноября 1925 во 2-м МХАТе с Михаилом Чеховым в главной роли сенатора Аблеухова; роман, первоначально названный автором «Слом», реализовался в течение нескольких лет в трилогию «Москва» («Московский чудак», 1926; «Москва под ударом», 1926; «Маски», 1932).

Весной 1925 Белый с К. Васильевой поселяется в подмосковном поселке Кучино (по Нижегородской железной дороге) и живет в основном там, без особых удобств, временами выезжая в столицу, в Ленинград, в Коктебель к Волошину.

Очень благотворными для Белого оказались три поездки на Кавказ, в Грузию и Армению в 1927–1929. Он общается с замечательными людьми, которые принимают его крайне радушно, — с Тицианом Табидзе, Паоло Яшвили, Мартиросом Сарьяном; пишет путевые дневники («Ветер с Кавказа», «Армения») — своего рода эстетический трактат и «учебник краеведения» о Кавказе, занимается акварелью. «Кавказ вписал в жизнь А. Белого незабываемую страницу, — пишет в статье о рисунках поэта Н. Кайдалова. — К зрелым впечатлениям присоединились воспоминания детства, — семья Белого жила в Адлере, — грезы молодых лет — миф об аргонавтах, о золотом руне, о союзе московских “аргонавтов”. Путешествуя по Кавказу, Белый не столько видел впервые, а как бы “узнавал” давно знакомое и предчувствованное». Его жена в мемуарах запечатлела новое увлечение. «При втором посещении Коджор (дачная местность около Тбилиси) рисование стало страстью. “Мастерская” Б.Н. расширилась. Из своей комнаты он уже въехал в мою. На всех столах появились в *обилии* блюда с водой, бумажки с пробами красочных пятен, “ассортименты” красок, наборы кистей, правда, самых неприятных, закупленных в первом попавшемся магазинчике. Б.Н. художником себя вовсе не мнил и довольствовался весьма малым: лишь бы краска красила да не лохматилась кисть. Для рисунков он выбирал бумагу нарочно “похуже” и больше всего любил рисовать на обрывках и клочках».

Белый неоднократно в своей жизни обращался к рисованию. Известны его оригинальные и выразительные иллюстрации к роману «Петербург», его рисунки на антропософские темы дорнахского периода.

Высшими творческими достижениями Белого последнего десятилетия стали не художественные произведения, а его литературоведческие исследования («Ритм как диалектика и “Медный всадник”», «Мастерство Гоголя») и три тома мемуаров, к написанию которых он приступил еще в Берлине. Эти книги — больше чем просто воспоминания. Исследователи справедливо ставят их в один ряд с такими произведениями, как «Былое и думы». «Мемуарная трилогия Белого, — пишет в предисловии к их современному изданию А. Лавров, — являет собой грандиозную многофигурную композицию, дающую отчетливое представление не только о конкретных лицах и событиях, но и о целых социально-исторических группах <...>. Что же касается истории русского символизма, то легче перечислить лиц, обойденных вниманием Белого, чем назвать тех, кто подробно или бегло — изображен в мемуарах <...>. Белый сумел создать из хроники своей жизни, своих исканий, своих литературных и нелитературных деяний многокрасочную картину пережитой исторической эпохи».

Своей трилогией А. Белый еще раз подтвердил мысль, которая неоднократно утверждалась исследователями рубежа веков и деятелями той эпохи: в Серебряный век русской культуры происходило интенсивное превращение писателя как личности в важнейший факт литературного быта — вне зависимости от значимости созданного им. И в этом смысле Андрей Белый, конечно, остался в первую очередь фигурой литературного быта начала века и не мог органично вписаться в эпоху 1920-х — начала 1930-х. Это видно и по воспоминаниям современников, едва ли не единогласно подчеркивавших его «одиначество», и по судьбе его мемуарной трилогии, которую он пытался «приспособить» к «требованиям времени», и по пренебрежительному предисловию Л. Каменева к тому «Начало века», от которого у автора произошло кровоизлияние в мозг и о котором тонко и зло отозвался ближайший друг Белого берлинского периода В. Ходасевич в своей статье 1934 года, и по «деловитым и сухим» словам редактора «Красной нови» А. Фадеева: «Вы понимаете: из этой книги трудно выбрать. Лучшее в ней о Брюсове, Бальмонте и Мережковских — нам печатать нельзя — не марксистское освещение <...>. Новому читателю книга будет скучна, непонятна и неинтересна...»

10 января 1934, в день похорон Андрея Белого, газета «Известия» опубликовала некролог, подписанный Б. Пильняком, Б. Пастернаком и Г. Санниковым. В нем, в частности, говорилось, что «Андрей Белый замечательный писатель нашего века, имя которого в истории станет рядом с именами классиков не только русских, но и мировых», что он «внес гениальный вклад» в мировую литературу и оказал «громадное влияние на все последующие литературные течения». Но власти и здесь не оставили поэта без своего внимания. Через несколько дней произошел невероятный случай: ответственный секретарь «Литературной газеты» опубликовал статью, где прямо оспаривались основные идеи некролога.

В 1907 Андрей Белый написал стихотворение «Друзьям», которое позже называл автоэпитафией. Оно начиналось так:

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

Основной причиной преждевременной смерти поэта медики назвали солнечный удар, который перенес Борис Николаевич летом 1933 в Коктебеле. Неспроста все-таки говорят, что поэты пророчат свою судьбу.